

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРИСУТСТВИЯ АВТОРА В ТЕКСТЕ

Г.А. Хрестолюбова

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики
института филологии и межкультурной коммуникации
e-mail: brams7373@yandex.ru*

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова

В статье анализируется один из когнитивных механизмов – категоризация, обеспечивающий верную интерпретацию текста. Целью исследования является изучение и описание процесса категоризации как элемента авторского кодирования в романе В.Балашова и В. Балагурова «Мечь Егудэя».

***Ключевые слова:** исторический роман, категориальный центр, когнитивные процессы, категоризация, прагматика текста.*

Современное литературное пространство России расширяется посредством работ региональных авторов. Писатели Республики Хакасия не являются исключением. Произведения хакасских мастеров слова представляют собой особый культурно-исторический пласт, поскольку события, представленные в текстах, происходят на территории, где проживают не только хакасы, но и другие народности, в том числе и русские. Соответственно, целесообразно в данном случае говорить о диалоге как минимум двух культур – хакасской и русской. Художественный текст, являясь продуктом человеческого мировоззрения, передает читателю определенную информацию, которую автор актуализирует различными способами. В качестве одного из актуализаторов, естественно, выступает сам жанр произведения, который определяет архитектуру текста и поле языкового оформления. Другим не менее важным актуализатором в художественном тексте, на наш взгляд, является процесс соотнесения мира реального с тем, который представлен в произведении. Данное соотнесение осуществляют и автор как коммуникатор, и читатель как реципиент, что объясняется самобытной природой художественного текста, на которую указывал Л.С. Выготский, называя его «второй действительностью», поскольку художественный текст «может применяться в качестве сказуемого к новым, непознанным явлениям или идеям и апперципировать их...» [Выготский 1968: 45].

Объектом данного исследования является исторический роман Владимира Балашова и Виталия Балагурова «Мечь Егудэя». Данное произведение представляет собой повествовательный ряд, образуемый

синтезом двух временных эпох: события XII в. тесно переплетаются с событиями начала XX в., которые происходят на территории Хакасии и Красноярского края. В романе В. Балашова и В. Балагурова мы наблюдаем своеобразное наложение одного временного пласта на другой, что способствует формированию определенного читательского восприятия, предусмотренного творческой волей авторов. Целью нашей работы является изучение и описание действия одного из когнитивных механизмов – категоризации – в романе «Мечь Егудэя». На наш взгляд, данный механизм помогает авторам кодировать информацию, создавая у читателя не только определенный образ эпохи, но и собственное (читательское) видение событий, происходящих на территории Хакасии и Красноярского края.

Категоризация как процесс привлекала внимание еще античных ученых. Известно, что классическая теория категорий восходит к Аристотелю [Лебедев 2008: 166], который рассматривал категоризацию как одну из форм когнитивного мышления. Современные исследователи, расширяя признаковое поле категоризации, отмечают определенный подсознательный характер этого процесса, поскольку «отнесение объекта и именуемого его слова к более общей категории скрывает за собой отнесение его смысла, концепта, к более общей категории концептов» [Фрумкина 1991: 168] и, соответственно, требует от человека мыслительных операций, носящих чаще всего неосознанный характер. Современная когнитология, по мнению Л.М. Михайловой, определяет категории в двух смыслах: узком и широком. Опираясь на дефиниции «категории», предложенные в «Словаре когнитивных терминов», исследователь поясняет, что «в узком смысле – это подведение явления, объекта, процесса под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории. В более широком – процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека в соответствии с сущностными характеристиками его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений, а также результат классификационной деятельности человека» [Михайлова 2008: 87]. В данной работе категорию мы рассматриваем в широком смысле, а именно: как результат когнитивной деятельности человека. Под процессом категоризации, вслед за В.А. Масловой, понимаем «...структурирование мира, акт отнесения слова / объекта к той или иной группе, способ установления иерархических отношений типа "класс – член класса"...» [Маслова 2011: 135]. Данная дефиниция позволяет рассматривать категоризацию не только в аспекте традиционной теории, но и альтернативной, которая связана с исследованиями Элеоноры Рош. По замечанию Т.Г. Скребцовой, основу концепции Э. Рош образуют две части: теория прототипов и теория

категорий базисного уровня, которые структурируют систему категорий в двух измерениях: горизонтальном и вертикальном [Скребцова 2011: 89]. Следует отметить, что теория прототипов Э. Рош не имела однозначной оценки: многие исследователи указывали на недостатки, например Р.М. Фрумкина [Фрумкина 2014: 102]. Для нашего исследования теория базисного уровня интересна тем, что рассматривает категориальное неравенство через выделения ядра и периферии. Это позволило нам синтезировать элементы романа с позиции их категориального значения не только авторской интенции, но и читательского восприятия. Поскольку «художественный текст нельзя понимать узко, только как формальную организацию тема-рематических последовательностей (сочетание высказываний)» [Жиндеева 2013: 128], нами предпринята попытка осмысления специфики художественного текста через сопоставление категориальных значений, образующих континуум повествования.

В соответствии с поставленной целью основными методами исследования явились комплексный метод наблюдения и описания, метод контекстуально-интерпретационного анализа, а также методы сравнения и синтеза.

Роман «Мечь Егудэя» состоит из 24 глав, каждая из которых представляет собой относительно законченную историю. События, составляющие фабулу романа, берут свое начало в 1916 г. Однако в романе представлено два организационных центра – нарратива, которые и составляют основу культурного кода всего произведения. *Первый нарратив* – это история о том, как на Большом совете в Хонгорайской степи во временной ставке хана Урус-инала было рассказано о древних сокровищах азских и кыргызских родов, среди которых самыми ценными являются две стопки кедровых дощечек-табагын, поскольку на них записан рецепт вечной молодости. Присутствующие на Большом совете «тайджи, беги и маатыры» приняли решение «сохранить эти сокровища для нашего народа, для будущих его поколений» [Балашов 2013: 12]. С этой целью на Большом совете был разработан план действий по спасению сокровищ от «красных волков» Чингисхана, насколько удачным или неудачным был данный план, читатель узнает постепенно, соединяя воедино на протяжении всего повествования элементы легенды, завязка которой представлена в первых главах. *Второй* – история о «золотом» плоте, который во времена гражданской войны был тайно отправлен из Тувы по реке Енисей: «сто сорок восемь килограммов золота, добытого на советских концессиях в Туве, требовалось спешно доставить в Минусинск» [Балашов 2013: 237], однако осложнялось все это тем, что «бандиты имели прекрасно организованную разведку и всегда точно знали сроки и пути передвижения наиболее ценных грузов» [Балашов 2013: 237]. Тесное переплетение нитей этих двух нарративных рядов позволяет авторам не только сохранять интригу наименования романа (в чем же

именно состояла мечь Егудэя), но умело включать в этот армюр исторические факты, связанные с реальными героями: П.Е. Щетинкиным, Н.Н. Успенским, семьей Лыковых, что добавляет повествованию яркости и выразительности. Такое переплетение образует определенный категориальный центр романа, который, согласно классификации Э. Рош, можно именовать вертикальным, поскольку проходит через все произведение. Автор имплицитно ведет диалог с читателем посредством данных категорий, которые целенаправленно обозначены адресантом.

Поле горизонтальной категоризации образуют главы, точнее названия глав. Категориальным ядром в данном случае выступают либо имена существительные, либо субстантивные словосочетания. Архитектоника романа выстроена авторами соответственно, и категории для читателя также обозначены и определены авторами. В рамках данного исследования нами были проанализированы заглавия романа «Мечь Егудэя» на предмет ассоциативной связи семантики глав с «идейно-тематическим наполнением конкретной главы» [Мотыгин 2000: 51]. С этой целью мы проанализировали заглавия романа по двум аспектам: структурному и прагматическому, что позволило нам выявить специфику категориального выражения, намеренно введенного авторами в ткань повествования.

Анализ структуры заглавий показал, что из 24 глав 8 заглавий представляют собой одиночные существительные, это составляет 33%. Остальные 67% представлены субстантивными словосочетаниями. На наш взгляд, ряд слов, точнее существительное с зависимым словом, обеспечивает продуктивный процесс категоризации. Авторская интенция реализуется в том числе и посредством работы когнитивных механизмов читателя, поскольку уточняющий компонент в словосочетании всегда несет важную для понимания смысла информацию. В то время как само главное слово определяет некое информационное поле, необходимое читателю для ориентира в пространстве романа, например, «Яшкина судьба», «Отпуск господина Фэна», «Кровавый той» и др.

Прагматический аспект художественного текста в рамках данного исследования был рассмотрен нами с позиции эмоционально-экспрессивной палитры категорий/заглавий. Это объясняется тем, что когерентность любого текста определяется присутствием автора, имплицитно воздействующего на читателя посредством различных приемов и способов, одним из которых является использование экспрессивных единиц языка.

Как мы уже отметили, 8 заглавий романа представляют собой одиночные существительные, которые различны в своей эмоционально-экспрессивной окраске: нулевая окраска – 50 %, отрицательная – 12 %, положительная – 38 %. Совершенно другое процентное соотношение выражения экспрессивности в категориях/заглавиях, выраженных

субстантивными словосочетаниями: только 5 из 16 глав (31 %) имеют нулевую окраску. Интересным с точки зрения реализации авторского замысла является тот факт, что все категориальные центры, несущие отрицательную экспрессию, расположены в первой половине романа. Вторая часть романа строится на категориях либо с нулевой, либо с положительной экспрессивностью. При этом считаем необходимым заметить, что простые в структурном плане заглавия образованы существительными в прямом значении, а в заглавиях/словосочетаниях встречается уже метафоризация. Все это свидетельствует об имплицитной форме присутствия автора в произведении. Ср.: «Дезертир», «Испытания», «Джойский стервятник», «Железный батыр Щетинкин» и др.

Требуется уточнения тот факт, что в данном романе наблюдаем языковые единицы двух языков: хакасского и русского, что, естественно, усиливает лингвокультурный потенциал произведения, однако анализ этого аспекта романа не входит в задачи данного исследования, поскольку представляет собой отдельный предмет изучения.

Анализируя своеобразие категориального выражения в романе, мы отметили, что на протяжении всего произведения читатель знакомится с новыми героями, с поступками уже обозначенных персонажей и все это на фоне исторических событий, которые происходят на территории Хакасии и Красноярского края. Категориальное неравенство прослеживается уже в самой композиции, поскольку адресант выделяет две категории прошлого: «прошлое – очень-очень давно» и «прошлое – сравнительно недавно», которые в процессе интерпретации подвергает оцениванию, т.е. разграничивает хорошие и плохие поступки героев, авторы очень часто создают интригу: сознательно выстраивают ложную читательскую антиципацию, подчеркивая этим сложность, а иногда и невозможность однозначной оценки. Категориальным ядром, согласно типологии Э.Рош, выступает конвергенция двух нарративов, представленных авторами романа. Поле горизонтальной категоризации очерчено названием заглавий, представляющих собой существительные либо субстантивные словосочетания, которые выступают ядром уже горизонтальной плоскости категоризации. Все это позволяет авторам имплицитно вести диалог с читателем посредством сопоставления «прошлого и нового опыта» [Боярская 2011: 18]. Категориальные центры, обеспечивающие данный процесс, хранятся в памяти читателя, что способствует реализации когнитивно-прагматической функции текста даже после прочтения романа.

Библиографический список

Балашов В.Б., Балагуров В.А. Мечь Егудэя. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2013. 400 с.

Боярская Е.Л. Категоризация как базовая когнитивная процедура // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 2. С. 18–28.

Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 345 с.

Жиндеева Е.А. Авторский комментарий как «путеводитель» читателя в системе организации художественного текста // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 3 (15). С. 127–130.

Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: Специальная литература, 1997. 406 с.

Лебедев А.В. Аристотель Стагирит // Античная философия: энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 164–175.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта Наука, 2011. 296 с. Режим доступа: <https://profilib.com> (дата обращения: 16.07.2017).

Михайлова Л.М. Категоризация как способ формирования концепта «говорение» в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 86–91.

Мотыгин С.Ю. Топонимический аспект книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» // Гуманитарные исследования. 2000. № 3. С. 50–56.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.

Фрумкина Р.М. Семантика и категоризация; отв. ред. Ю.А. Шрейдер. М.: Наука, 1991. 168 с.

Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2014. 336 с.